

Линь И, услышав это, больше не стал смотреть на выражение лица Линь Цзытао. Он развернулся и бросил на ходу:

— У нас с отцом ещё будет время переговорить! Господин Фан, до встречи.

Сев в машину и захлопнув дверь, Линь И закрыл глаза, стараясь не выдавать своих эмоций. Давняя ненависть, которую он подавлял, со временем лишь крепла, превращаясь в безумие. Теперь, когда он увидел главного виновника своих страданий, сердце наполнилось горечью, и каждый вдох отдавался болью в висках.

Фан Сюйяо заметил, что Линь И собирается уехать, и постучал по стеклу, нарушив его ход мыслей. Тот не успел скрыть блеск в глазах, который Фан Сюйяо мгновенно подметил. Сделав вид, что ничего не заметил, Сюйяо ласково улыбнулся и произнёс:

— Я тебе позвоню, тогда мы отлично побеседуем!

Линь И промолчал пару секунд. Не понимая, почему этот человек так хорошо к нему относится, он всё же кивнул и ответил:

— Хорошо.

Вечером в особняке семьи Фан младший брат Фан Сюйчэнь, вернувшись домой, увидел в гостиной чемодан старшего брата. Переобувшись, он хотел отнести его наверх, но, взяв в руки, почувствовал что-то неладное: на ручке висел брелок в виде Эйфелевой башни — очень изящная работа. Его второй брат, который с виду был эталоном мужчины, а внутри — простым мужланом, вряд ли стал бы вешать такую безделушку.

Фан Сюйчэню было двадцать четыре года. Благодаря могущественным связям семьи он с детства резвился в шоу-бизнесе: в пять лет снимался в рекламе, в восемь — эпизодически в сериалах, а с подросткового возраста начал получать полноценные роли. У него был талант, и он официально изучал актёрское мастерство. Хотя семья хотела, чтобы он учился на финансиста и помогал старшему брату с бизнесом, он с малых лет привык к светской жизни и не хотел возвращаться в рамки. Родители ничего не могли с ним поделать, но, к счастью, Сюйчэнь строго соблюдал дисциплину и не был так вычурен, как нынешние звёзды. Видя его молодость и разумность, семья позволяла ему развлекаться.

Сюйчэнь поставил чемодан на пол и заметил, что замок взломан. Он приподнял бровь: это дело рук его второго брата. Открыв чемодан, он увидел внутри аккуратно разделённые отсеки. Больше всего внимания привлекала стопка кубков и грамот. Рядком лежали идеально выглаженные пиджаки, рубашки и брюки. В отдельном кармане лежал матерчатый мешочек — очевидно, с нижним бельём. А ещё был фотоальбом.

Всё, что открылось глазам Сюйчэня, казалось более фантастичным, чем сюжет только что снятого им сериала. Он не выдержал и громко крикнул:

— Мам, выходи скорее! Чемодан второго брата — это что-то с чем-то!

Госпожа Фан вышла из кабинета. Даже дома она была с лёгким макияжем и держалась с таким достоинством, что её зрелая красота затмевала молодых актрис, пытающихся казаться моложе. Увидев младшего сына, роющегося в вещах старшего, она отчитала его:

— Не трогай вещи брата. Пусть он и раскладывает их как попало, но у него отличная память.

— Да не в этом дело, мам! Посмотри, брат разве не привёз чемодан жены?

Услышав слово «жена», глаза госпожи Фан загорелись. Брак второго сына был для неё настоящей головной болью: он никого не признавал, то критикуя чей-то нос, то чьи-то маленькие глаза — одни отговорки. Если бы он сам привёл кого-то домой, она с мужем могли бы выдохнуть с облегчением!

Госпожа Фан окинула взглядом содержимое чемодана, затем взяла в руки фотографию Линь И. Она была в таком восторге, что чуть не упала в обморок, прижимая руку к сердцу. «Ой, чей же это такой пригожий ребёнок? Что парень, что девушка — неважно. Раз мой сын выбрал его, я сама улажу всё с родителями. Мой сын такой талантливый и красавчик, родители и свекровь просто обязаны быть нормальными людьми».

Госпожа Фан стала перебирать сертификаты Линь И. «Ай, да он ещё выпускник элитного вуза, учится на той же специальности, что и наш Аяо. Умные дети такие милые, и они так подходят друг другу». Чем больше она вглядывалась в Линь И, тем больше он казался ей знакомым. Когда её взгляд упал на снимок, где Линь И был запечатлён с матерью, улыбка с лица госпожи Фан исчезла, и оно стало серьёзным. «Неужели этот ребёнок — внук семьи И?»

Сюйчэнь, услышавший звон стационарного телефона, побежал брать трубку. Поприветствовав собеседника, он повернулся к матери, которая всё ещё пребывала в сладких грёзах о невестке:

— Мам, похоже, со вторым братом случилась беда...

Госпожа Фан: (☹☹) Что?!

Линь И стоял у дверей палаты и слушал врача, который говорил, что у Фан Сюйяо лишь лёгкое сотрясение мозга. Только тогда он облегчённо выдохнул. Он сел в машину и отъехал всего метров на сто, как белый «Сантана» потерял управление и на огромной скорости врезался в Фан Сюйяо. Хотя манёвр казался хаотичным, цель была очевидной.

К счастью, реакция Сюйяо оказалась быстрой, и он отделался лишь ссадинами. Однако Линь И чувствовал, что это не случайность. Человек, вышедший из машины семьи Линь с чемоданом, точь-в-точь как у него, явно нацелился на кого-то одного. Но на кого? На Линь И или на Сюйяо? Скорее всего, преступник перепутал Сюйяо с ним, ведь тот в момент удара разговаривал с его отцом, не так ли?

Линь И доставил этого господина в больницу, бегал туда-сюда, оформлял документы, и когда всё наконец закончилось, уже стемнело. К тому же он не обедал, и старая проблема с низким сахаром дала о себе знать. Линь И покачал головой, чувствуя головокружение.

Сюйяо не приходил в себя, и полиция не могла находиться в палате вечно. Линь И пообещал позвонить сотрудникам, как только больной очнётся, и только тогда те ушли.

Вернувшись в палату, Линь И чувствовал себя разбитым — и физически, и морально. Ему сейчас хотелось только одного — хорошенько выспаться.

Увидев, что Сюйяо сладко спит, Линь И с недовольством ухватился за простыню. С каменным лицом он встал, свернул Сюйяо в «рулет», отодвинул его к краю, освободив себе большую часть кровати, и, прижимаясь рукой к лбу, лёг, закрыв глаза. Кровать была достаточно широкой для двоих, главное — случайно не сбросить соседа на пол.

Дядя Дун вернулся с миской лапши и, увидев, что Линь И уже закрыл глаза, позвал врача,

чтобы тому поставили капельницу с глюкозой. Низкий уровень сахара у Линь И был врождённой особенностью, которую не удавалось вылечить.

Линь И приоткрыл глаза. Увидев рядом дядю Дуна и прочитав надпись на флаконе, он с тоской вздохнул: «Опять укол». Слабым голосом он спросил:

— Дядя Дун, когда его родные приедут? Я хочу домой.

Ему очень хотелось увидеть дедушку и бабушку. Зачем ему торчать здесь с этим малознакомым человеком? Просто нелепость какая-то!

— Должны быть скоро, — неуверенно ответил дядя Дун. — Мы уже сообщили в дом господина Фана. Молодой господин, поешь сначала лапши, а потом поспи. В любом случае, семьи Фан и И связаны дружескими отношениями, и в будущем у тебя с господином Фаном будет много общих дел...

На этом месте дядя Дун снова озадачился. Взгляд Сюйяо на Линь И был явно неординарным. Дядя Дун не верил, что они были знакомы раньше. «Любовь с первого взгляда? Да кому вы морочите голову! Ясно же, что он пригляделся из-за красоты нашего ребёнка! Старый господин говорил, что семья Фан — это бандиты и хулиганы, с ними нужно быть осторожными!»

Однако Линь И, увидев еду, лишь покачал головой: проголодался он настолько, что уже перестало хотеться есть, хватит и капельницы. Он потянул Сюйяо обратно к центру кровати, опасаясь, что когда приедут родные Фана, они увидят его прижатым к краю и подумают, что Линь И его обижает.

Примерно через двадцать минут Сюйяо открыл глаза, огляделся по сторонам, а потом посмотрел на себя. Он был замотан в простыню как зомби в фильме про апокалипсис. Он недовольно нахмурился: «Кто посмел упаковать меня, главного босса, таким образом? Это совершенно портит мой величественный образ! Когда я узнаю, кто это сделал, я его точно прикончу!»

Линь И почувствовал шевеление рядом и недовольно прорычал что-то в ответ. Сюйяо посмотрел в его сторону и на миг замер. Рядом лежал большой живой человек! Лицо Линь И было бледным, вызывая невольную жалость. В тепле кровати его щёки порозовели, он выглядел таким милым и простоватым, но нахмуренные брови выдавали, что настроение у него далеко безоблачное.

Сюйяо не мог оторвать взгляд от его слегка приоткрытых губ. Ему и раньше казалось, что Линь И пришёлся ему по вкусу. Фан Сюйяо не был святым, и, поддавшись порыву, он наклонился к Линь И, тихо вдохнул его запах и довольно улыбнулся.

Едва Сюйяо склонился над Линь И, как дверь палаты распахнулась. Дядя Дун, который вышел встречать гостей, стоял на пороге с группой людей. Одни выглядели вне себя от радости, другие — мрачнее тучи. Радостными были родственники Фана, а мрачными — представители семьи И.